

ПРАВООТНОШЕНИЕ И НРАВСТВЕННОСТЬ: СОВРЕМЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Б.Н. Алейников, А.Б. Алейникова

Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

28 марта 2021 г.

Дата принятия в печать –

10 декабря 2021 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2022 г.

Ключевые слова

Правоотношение, механизм

правоотношения,

общерегулятивное

правоотношение, комплексное

правоотношение,

справедливость, мораль, Кодекс

профессиональной этики

адвоката, механизм

корпоративного

профессионально-этического

правоотношения

Предпринимается попытка поиска направлений развития концепции механизма правоотношения и его нравственного компонента на основе анализа взглядов П.П. Серкова, изложенных в монографиях «Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования)» (М.: Норма, 2018) и «Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования)» (М.: Норма, 2020), с учетом иных суждений отечественных ученых. Формулируются концептуальные идеи и конкретные предложения по совершенствованию механизма комплексного правоотношения и его части – механизма корпоративного профессионально-этического правоотношения в сфере адвокатской деятельности и адвокатуры.

LEGAL RELATIONSHIP AND MORALITY: THE MODERN UNDERSTANDING AND NEW APPROACHES

Boris N. Aleynikov, Anastasiya B. Aleynikova

Penza State University, Penza, Russia

Article info

Received –

2021 March 28

Accepted –

2021 December 10

Available online –

2022 March 20

Keywords

Legal relationship, mechanism of

legal relationship, general

regulatory legal relationship,

complex legal relationship,

fairness, moral, The Code of

professional ethics for lawyers,

mechanism of corporate

professional and ethical legal

relationship

The subject of the article is the views of prof. P.P. Serkov and other domestic legal scientists on the problems of legal relations and its moral component from the standpoint of a lawyer-researcher. The article considers theoretical and methodological aspects of the doctrine of legal relationships, the content, patterns of the emergence and development of elements of the mechanism of legal relationships, the problems of classification of legal relationships, debatable issues of general regulatory legal relationships. Particular attention is paid to the analysis of approaches and theoretical provisions related to understanding the complex type of complex legal relationship.

The purpose of the study is to confirm the scientific hypothesis of P.P. Serkov about the mechanism of legal relationship from the point of view of its relation with issues of morality, social aspects of subjective and social life, as well as to formulate conceptual ideas and specific proposals for improving the mechanism of complex legal relationship and its part, the mechanism of corporate and ethical legal relationship in the sphere of advocacy.

Methodology and methods. The research methodology is based on the dialectical method, which made it possible to consider the judgments of scientists in development with existing contradictions and relations with new phenomena in law enforcement. The article also uses methods of analysis and synthesis, deduction and induction, modeling and extrapolation, formal legal and comparative legal method.

The main results, scope of the application. The scientific and practical validity of the doctrine of the legal relationship mechanism created by P.P. Serkov is shown in the article. The presence of a moral component in each act of legal regulation, as well as the significance of

the scholar's ideas and hypotheses in expanding the possibilities of general theoretical and sectoral research in this area and creating conditions for improving law-making and law enforcement practice are brought into light.

Conclusions. The direction of development of the mechanism of complex legal relationship has been substantiated and specific proposals have been formulated to improve its part – the mechanism of corporate and ethical legal relationship in the field of the legal profession.

1. Введение

Актуальность продолжения исследований вопросов теории и практики правовых отношений несомненна. Коренные изменения социальных, экономических и политических условий жизни российского общества ставят перед юридической наукой задачи развития доктрины правоотношения, наполнения ее идей и гипотез современными реалиями. Правоведение, бесспорно, накопило и выстроило достаточно целостную систему знаний. Однако, на наш взгляд, нынешние методологические подходы и теоретические положения в области теории правоотношения не в полной мере отражают потребности правового регулирования, формируемые особенно многочисленными новыми явлениями в правоприменительной деятельности.

По теме правоотношений в последнее время опубликован ряд работ (см., напр.: [1–4]). Их число заметно дополняют две крупные монографии (одна – в двух книгах) профессора П.П. Серкова [5; 6].

Следует отметить, что взгляды П.П. Серкова, а также суждения известных ученых – теоретиков и историков права, философов и психологов, высказанные в предисловиях к его работам (см.: [7–10]), вызвали оживленную дискуссию в научном сообществе (см., напр.: [11–17]). Анализ, главным образом, рецензий побуждает высказать следующие предварительные методологические замечания.

Как известно, дискуссия о любой проблеме опирается на ряд посылов, принимаемых ее участниками без обсуждения. С нашей точки зрения, таких оснований в научном юридическом сообществе становится всё меньше. Общепринято, что исходным условием для вынесения одобрительной или критической оценки любых идей, взглядов является единое представление о предмете спора. Подлинная полемика имеет место лишь в том случае, если оппоненты дают разные ответы на один и тот же одинаково понимаемый вопрос. Ознакомление с вышедшими рецензиями на исследования П.П. Серкова показывает, что многие положения этих рецензий не отвечают требованиям жанра научной критики. В одних случаях наблюдаются расхождения

теоретического характера в понимании содержания основных понятий: права, морали, правоотношения, механизма правоотношения, – отражающих представления об обсуждаемой проблематике, в других – практического, когда при формально одинаковом представлении о сущности понятий фактически по-разному выявляются и формулируются характеристики реального механизма правового регулирования. Очевидно, что теория и практика должны дополнять друг друга. В противном случае, любые исследования, а в юриспруденции особенно, вызывают сомнения в методологическом отношении. Возможно ли достичь полного понимания предмета спора с научной и практической стороны, учитывая при этом безусловное право исследователя на выбор его методологии? Конечно, нет. Но это цель, к достижению которой надо стремиться.

В нашем понимании право и позитивное право (закон в собирательном смысле) – разные понятия. Закон может быть правовым только в том случае, если отражает принципы социальной обоснованности, определенности, действительности, формального равенства. Право является властным велением не только государства [18, с. 252–262]. Правоотношение – основополагающий элемент правового регулирования. Есть общечеловеческая мораль, которая постоянно эволюционирует. В каждом акте правового регулирования присутствует нравственный компонент.

Таким образом, наши представления о предмете исследования П.П. Серкова с точки зрения понимания сущности права, правоотношения и его механизма совпадают в том случае, если нормы права, установленные государством, соответствуют объективной сущности права, выраженной в его принципах.

Необходимо отметить, что право и мораль в современном понимании представляют собой различные социальные системы регулирования, смыслы которых раскрываются посредством соответствующих принципов, центральных категорий, функций, средств и процедур. У права и морали как нормативных систем много общего. По нашему мнению, общность происхождения и развития этих феноменов за-

ключается в обусловленности генезиса объективными факторами: единством человеческой природы и вытекающей отсюда потребности в таких упорядочивающе-регулятивных правилах и ценностях, которые способствуют консолидации и выживанию развитых сообществ. Относительно понятия морали следует подчеркнуть, что, в соответствии с идеями Канта, главным ее признаком является особого рода должностное – объективно-безличное и безусловное. В литературе справедливо отмечается, что определение Канта «ограничивает возможность теоретической путаницы, смешение морали с другими формами ценностного сознания, действительное многообразие которых служит источником ошибочного представления о множественности “моралей”» [19, с. 12].

В чем новизна подхода П.П. Серкова к проблеме понимания правоотношения и его системы? Во-первых, созданная автором теория правоотношения отражает реальные процессы формирования и функционирования механизма правового регулирования, в отличие от господствующих в юридической науке предельно общих и формальных конструкций. Во-вторых, являясь приверженцем позитивистской доктрины права, автор в целом удачно совместил ее основы с идеями материалистической теории, широкого правопонимания и естественно-правового подхода. Широкое правопонимание, в частности, проявляется в следующих рассуждениях ученого: «...возникающие межличностные отношения (существующее реальное) служат катализатором для принятия законодательных правовых норм (создается правовое виртуальное пространство). В процессе применения этих норм в порядке обратной связи достигается новое бытие (новое реальное)» [5, ч. 1, с. 28]. Здесь очевидна аналогия со взглядами наиболее видного представителя широкого правопонимания профессора Г.В. Мальцева [20, с. 3–34]. В-третьих, выводы автора основаны на обширном анализе достижений философии, физиологии, психологии, антропологии, социологии и других наук, что придает работе междисциплинарный комплексный характер. В-четвертых, автор свои идеи и гипотезы соотносит с практической стороной – судебной практикой. Как говорилось ранее, это важно для теоретических построений, поскольку в противном случае есть опасность попасть в ловушку видимости соответствия выводов исследуемой действительности. В-пятых, заметна искренность автора, а смелость и категоричность оценок свидетельствуют главным образом о желании обратиться

внимание ученых и практиков на противоречия в современной доктрине правовых отношений.

2. Теоретико-методологические аспекты теории правоотношения

Рассматривая взгляды П.П. Серкова на проблемы правоотношения и нравственности, следует подчеркнуть исходную позицию автора об исключительной роли государства в процессе возникновения и развития механизма правоотношений. Ученый убежден, что государство, принимая нормы права, способно устанавливать в обществе справедливую материализацию субъективных потребностей-целей и социальную гармонию. П.П. Серков утверждает, что «без государства и его власти организация благополучия социальной жизни в принципе невозможна» [6, с. 177].

Заслуживают поддержки взгляды П.П. Серкова об «общеправовой и межотраслевой сущности правоотношения» [5, ч. 1, с. 441], о роли правоотношения как «регулятивного центра, позволяющего унифицированно в одном масштабе оперировать как в научных, так и в правоприменительных целях» [5, ч. 1, с. 43–44], о несостоятельности научных воззрений о «главенствующем положении правовых норм в юридических исследованиях» [5, ч. 1, с. 48].

Ученым обстоятельно аргументирована позиция о том, что «объект правоотношения, отражая материализацию субъективных потребностей-целей, представляет собой итоговый результат правового регулирования» [5, ч. 1, с. 423], а «субъективное право само по себе не может служить основанием для возникновения и развития правоотношения, а, значит, и доминировать в правовом анализе всего правового регулирования» [5, ч. 1, с. 424].

На многочисленных примерах из судебной практики убедительно показано, что элементы механизма правоотношения – объекты правоотношений, правовые статусы, субъективные права и обязанности – не находятся в состоянии покоя, а взаимодействуют между собой. Такая динамика, по справедливому мнению П.П. Серкова, «становится возможной только в условиях внутренне упорядоченной конструкции, которая и является механизмом правоотношения» [5, ч. 1, с. 427].

Детальный анализ механизма правоотношения привел ученого к справедливому выводу о том, что его элементы «выполняют функцию своего рода опорного узла, связывающего идейное содержание правовых норм и субъективную устремленность на материализацию соответствующих потребностей-целей» [6, с. 25]. Автор последовательно и четко

обосновал мысль о том, что простота конструкции правоотношения «лишь внешняя, так как форма, слагаемые его элементов не должны дезориентировать, в первую очередь, относительно содержательной сущности. Ее неправильное понимание и фактическая невозможность прикладного применения постепенно формируют синдром “усталости” от неспособности отразить правовую действительность» [6, с. 26]. П.П. Серков подчеркивает, что «в переплетении конкретной ситуации, судеб и т. д. неизменно проявляются субъективные интересы, которые объективно не поддаются устойчивым характеристикам за счет признаков, критериев и параметров, и лишь трансформированные в субъективные потребности цели они не могут пагубно влиять на межличностное общение» [6, с. 27]. «Вместе с тем, – утверждает ученый, – безальтернативность упорядоченности потенциального хаоса субъективных интересов, конечно же, предполагает снижение уровня субъективности, неспособности устоять перед напором эгоизма, жестокосердия, корысти и других страстей, присущих человеку» [6, с. 27]. Свои рассуждения П.П. Серков обоснованно резюмирует тем, что «без личной ответственности субъектов каждого возникающего и развивающегося механизма правоотношения положительные результаты не будут высокими» [6, с. 27].

Предваряя анализ нравственного аспекта правового регулирования, П.П. Серков задается вопросом: что понимать под общепринятыми нормами поведения и морали? Ученый отвечает следующим образом: «...время писать кодекс общепринятой морали пришло, и основанием такого кодекса должен послужить единственный общепринятый русский текст, в котором заложены универсальные для всех правила...» [6, с. 32]. Указанное суждение свидетельствует о признании ученым существования единой, общей для всех морали.

П.П. Серков утверждает, что «так или иначе мораль и нравственность “присутствуют” в динамике каждого акта правового регулирования» [6, с. 69], и конкретизирует, что «соотношение взаимности и паритетности субъективных прав и обязанностей, используемых для материализации субъективных потребностей – целей как юридического образа, объекта правоотношений, показывает, что его конструкция пронизана нравственными началами» [6, с. 33]. Эти идеи автора лежат в основе решения продолжить выявление конкретики действия механизма правоотношений в контексте нравственности [6, с. 33].

На основе междисциплинарного комплексного подхода, учитывающего достижения философов,

психологов, антропологов, физиологов, специалистов других наук, П.П. Серков утверждает, что «за счет морали человек вошел в “царство свободы”, обретя способности к сознательному выбору модели субъективного поведения по отношению к окружающей действительности в целом и межличностному общению в частности. В силу этого каждый человек сам решает, каким образом пользоваться этой свободой. При другом варианте человек незримо, но реально (здесь нет парадокса) возвращается в «царство необходимости» [6, с. 160].

Можно согласиться со следующими резюмирующими положениями автора о механизме индивидуальных конституционных правоотношений: «нравственность взаимности и паритетности прав и обязанностей самым тесным образом, в первую очередь, посредством трех сегментов механизма конституционных правоотношений, соотносится с современным правовым регулированием» [6, с. 389], «надо говорить о недостаточной известности способов нравственного воздействия на субъекты механизмов конституционных правоотношений» [6, с. 389], необходимы комплексные исследования, в ходе которых «прояснится, должны ли общество и государство всегда уповать только на правовое регулирование, а точнее, на государственное принуждение органов власти» [6, с. 389].

Разделяя указанные позиции автора, нельзя не остановиться на взглядах профессора Е.И. Колюшина на рассматриваемые проблемы. Ученый пишет, что П.П. Серков «в стремлении постичь “незримый механизм правоотношения” как бы не замечает безусловный позитивизм и, в значительной мере, юридический формализм судебной практики, которой не известны ни поиски идейного содержания каждой нормы права, ни прорывные выходы из пределов отраслевого подхода на уровень интегративного правопонимания и правоприменения» [14, с. 35]. Во второй статье-рецензии Е.И. Колюшин, не соглашаясь с П.П. Серковым в том, что в правосудном сегменте не защищаются субъективные свободы, а устанавливаются факты нарушения взаимности и паритетности во всех проявлениях межличностного общения, приводит следующий аргумент: «При таком подходе остается загадкой: почему суды не только устанавливают какие-то факты, но и дают им оценку, а также определяют меры ответственности? В ст. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации среди задач административного судопроизводства названа “защита... прав, свобод и законных интересов граждан”. Речь идет именно о

субъективных правах, принадлежащих конкретным гражданам» [15, с. 73–74].

В приведенных позициях ученых легко обнаруживаются разные представления о понятии механизма правоотношения, соотношении нормы права и правоотношения, причинах возникновения правоотношения.

Почему нам как адвокатам – участникам состязательных судебных процессов ближе позиция П.П. Серкова по указанным вопросам?

Во-первых, ключевым моментом в понимании идей обсуждаемого исследования является не известный позитивизм и юридический формализм судебной практики, а обоснованные утверждения автора о том, что «идейное наполнение элементов механизма правоотношения происходит по принципу “открытой архитектуры”» [5, ч. 1, с. 344]. «Материализация субъективных потребностей-целей или их коррекция за счет использования содержания соответствующей совокупности правовых норм идейно наполняет полную субстанцию каждого элемента правоотношения или корректирует это наполнение», – пишет П.П. Серков. Далее автор утверждает, что «таким образом система правовых норм предстает в образе специфической “скамейки запасных”, когда по мере надобности на “игровое поле” “на площадке” правоотношения “приглашаются” правовые нормы с наиболее нужным для конкретного случая идейным содержанием» [5, ч. 1, с. 344]. Исследуя содержание механизма правоотношения, автор убедительно показал, что нормы права в его состав не входят [5, ч. 1, с. 424–445].

Во-вторых, глубокий междисциплинарный комплексный анализ стадии возникновения механизма правоотношения во всей работе и особенно в рамках четвертого параграфа второй монографии [6, с. 104–136] не оставляет сомнений в первичности потребностей, чувств, эмоций и мотивов участников правоотношений относительно их субъективных прав. Согласие с позицией П.П. Серкова основано также на анализе следующих примеров из адвокатской практики:

1. Открытое акционерное общество (далее – организация, общество, истец) обратилось в Арбитражный суд Пензенской области с иском к бывшему генеральному директору К. (далее – ответчик) с требованием о взыскании причиненных убытков, ссы-

лаясь на недобросовестное и неразумное исполнение ответчиком своих должностных обязанностей при заключении договоров поставок. Ответчик – специалист высокой квалификации, с большим жизненным и профессиональным опытом. К. исполняла обязанности единоличного исполнительного органа в обществе более 20 лет, уволившись по состоянию здоровья в возрасте 56 лет. За время ее работы капитализация общества выросла более чем в 100 раз. Арбитражный суд Пензенской области иск удовлетворил в полном объеме, апелляционная инстанция отменила решение, признав его незаконным и необоснованным, и приняла новый судебный акт. Кассационная инстанция постановление апелляционного суда оставила без изменений.

По факту фальсификации истцом доказательств по этому гражданскому делу по заявлению К. было возбуждено уголовное дело.

2. Следственное управление следственного комитета России по Пензенской области возбудило в отношении Н. (далее – подозреваемый) и иных неустановленных должностных лиц муниципального казенного учреждения уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 286 Уголовного кодекса РФ. В результате расследования в отношении подозреваемого Н. дело было прекращено за отсутствием состава преступления в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Подозреваемый – мужчина 36 лет, квалифицированный руководитель учреждения с безупречной репутацией¹.

В этих примерах из адвокатской практики содержатся важные общеправовые элементы, свидетельствующие о закономерностях возникновения и развития механизма правоотношения. Иск к ответчику – это событие, вызвавшее у него комплекс эмоциональных переживаний, напряжение которых так высоко, что серьезно затрудняет принятие рациональных решений. В основе переживаний – обида, несправедливое отношение к человеку, добросовестному руководителю, так много полезного сделавшему для организации и потерявшему здоровье. Ответчика сразу после получения иска и на протяжении всех судебных разбирательств мучает один главный вопрос: почему так неуважительно и необоснованно поступило с ним общество? На первый план выходит нравственно-правовое осознание именно

¹ Описание обстоятельств гражданского и уголовного дел диктуется необходимостью анализа возникновения и развития механизма правоотношения.

фактов нарушения взаимности и паритетности межличностного общения – ответчика и акционера общества, принимающего решения. Мотивы (цели) поведения ответчика формируются главным образом на основании потребностей в справедливости, признании и уважении, в порядке, свободе от тревоги. Что касается субъективных прав ответчика, то осознание и выбор средств и способов их защиты находятся на втором плане и зависят, в основном, от степени доверия к адвокату, который, исполняя обязанности по соглашению, постоянно выступает в роли «психотерапевта». Напряженность переживаний указанных чувств и эмоций у ответчика уменьшается, а мотивы рационализируются по мере принятия справедливых судебных решений и адекватных мер защиты, среди которых можно особенно выделить возбуждение уголовного дела по факту фальсификации доказательств.

Во втором примере комбинация потребностей, чувств, эмоций и мотивов подозреваемого иная. На ее характеристику повлияли: возраст, принадлежность к мужскому полу, психическое и физическое здоровье, образование, кругозор, навыки делового общения, отношение к карьере и т. д. Особые переживания подозреваемого вызывало поведение его руководства, которое всячески показывало, что уже решило его судьбу и судебную перспективу дела. Мотивация подозреваемого, как и в первом сюжете, в большей степени предопределялась ощущением несправедливости, тревоги за свое будущее и будущее детей, что и обусловило выбор средств и способов правовой защиты – реализации субъективных прав.

Обстоятельства возникновения и развития механизма правоотношения в приведенных примерах подтверждают: а) первичность потребностей и мотивов (целей) как их предметов, вызванных иском и возбуждением уголовного дела; б) возникновение правоотношений на основании потребностей и мотивов или потребностей – целей, а не в силу реализации субъективных прав; в) разнообразие и непредсказуемость потребностей-целей, воплощаемых в объектах правоотношений; г) устойчивое требование ответчика и подозреваемого о восстановлении справедливости как доминирующей потребности обратиться за защитой к государству и за помощью к адвокату.

Здесь уместно отметить, что выход на первый план в рассмотренных реальных сюжетах в качестве исходной формы активности потребности в справед-

ливости основано и на существовании в обществе повышенного запроса на это социальное благо, о чем убедительно говорит Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин².

3. Проблемы классификации правоотношений. Общерегулятивное и комплексное правоотношение

Значение научно обоснованной классификации правоотношений трудно переоценить. Это объясняется целым рядом факторов, главные из которых заключаются в том, что распределение социальных явлений и понятий по классам в зависимости от их общих признаков само по себе свидетельствует об уяснении их сущности и о всесторонности и многомерности признаков, положенных в основу такой классификации.

В отечественной юридической литературе правоотношения делятся, в первую очередь, по отраслевому признаку и, так же как и нормы права, на регулятивные и охранительные. В зависимости от степени конкретизации субъектов выделяются относительные, абсолютные, общерегулятивные правоотношения; по характеру обязанности – активные и пассивные [21, с. 352–353].

Существуют и другие критерии классификации правоотношений, применяемые в литературе: по продолжительности действия (краткосрочные и долгосрочные), по степени определенности (абсолютные и относительные), по генетической и функциональной связи (материальные – основные, процессуальные – производные). Последние подразделяются на процессуально-регулятивные и процессуально-охранительные; по целям воздействия (статические и динамические); по содержанию и количеству участников (простые и сложные) [22, с. 233–234; 23, с. 296–297; 24, с. 253–255].

Кроме этого, разные авторы выделяют абстрактно-общие и индивидуально конкретизируемые правоотношения [25, с. 214, 216–217], корпоративные правоотношения [26], разрешительные правоотношения [27].

Отраслевые правоотношения, в частности трудовые, подразделяются на основные и дополняющие [28, с. 251, 254–255]; уголовные правоотношения – на общие (общерегулятивные), охранительные, конкретные регулятивные, уголовно-процессуальные как средство и результаты регулирования [29, с. 8–10, 51–52, 63, 102].

² Российские граждане жаждут правовой справедливости, они хотят от государства именно этого социального блага.

Интервью с Председателем Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькиным // Судья. 2012. № 12 (36). С. 4–19.

Сопоставление приведенных классификаций свидетельствует о наличии множества разных, часто не совпадающих точек зрения. Каждый автор выявил и описал в правоотношении что-то свое, отличное от позиции других ученых.

Объединяющим началом в суждениях является лишь понятие «правоотношение» и только его внешняя форма. Сущностное свойство правоотношения как предмета классификации трудно определить в указанных позициях.

Аналогичные, более теоретически и практически обоснованные взгляды на характер исследований проблем классификации правоотношений высказал П.П. Серков.

Тщательный анализ ученых точек зрения на эти сложные вопросы привел его к справедливому выводу о том, что они «не поддаются системной типологизации, поскольку в них отсутствует органическое внутреннее единство. В силу названной причины между вариантами классификации невозможно установить логические связи. Можно уверенно констатировать, что в этих научных позициях проявляется неадекватное понимание правоотношения, почему и образовалось множество точек зрения» [5, ч. 2, с. 956]. Далее автор утверждает, что «при наличии достаточно большого числа классификаций правоотношений их варианты десятилетиями продолжают множиться, причем они фактически не востребованы не только правоприменительной практикой, но и самой теорией правового регулирования» [5, ч. 2, с. 957].

В основу классификации правоотношений ученый кладет «видовую направленность механизма правоотношения», в соответствии с которой определяет шесть основных разновидностей правоотношений: общерегулятивные, административные, процессуальные, конституционные, правоотношения в связи с юридической ответственностью и служебные правоотношения [5, ч. 2, с. 976–977]. Указанные виды автор дополняет неполными правоотношениями [5, ч. 2, с. 978].

Надо сказать, что вопросы об общих, или общерегулятивных, правоотношениях в отечественной теории были и остаются, пожалуй, одними из самых дискуссионных.

Исследователи, отрицающие существование общерегулятивных правоотношений, приводят в качестве основного аргумента своей позиции возможность функционирования общих прав и обязанностей вне правоотношений. Так, Р.О. Халфина, анализируя нормы, устанавливающие статус граждан, государственных органов и общественных организаций, ма-

лых социальных групп, утверждает, что эти нормы не реализуются непосредственно в правоотношении, а лишь создают предпосылки возникновения правоотношения при определенных условиях [30, с. 57].

Ученые, признавая за общими правами статус субъективных, пришли к другому выводу – о существовании общерегулятивных правоотношений, отличных от конкретных (обязательственных).

Сторонники существования общих правоотношений считают, что нельзя строить теорию правоотношений, опираясь только на цивилистический подход, и не учитывать, хотя и иначе возникающие, но реально существующие общие правовые связи. В частности, профессор В.Б. Исаков указывает на следующие черты и особенности общерегулятивных правоотношений: «возникают “непосредственно из закона”, опосредуют наиболее важные связи государственно-организованного общества, как и любые другие правовые отношения носят представительного-обязывающий характер» [31, с. 276–277]. Аналогичную по существу позицию высказывает и профессор Н.И. Матузов, по мнению которого, отрицание общерегулятивных правоотношений равносильно отрицанию действия конституционных норм, их эффективности. Он считает, что общерегулятивные, или просто общие, правоотношения, в отличие от конкретных, выражают связи более высокого уровня по поводу гарантирования и осуществления основных прав, свобод и обязанностей личности [32, с. 376].

По мнению профессора Н.А. Пьянова, «вывод, согласно которому наряду с конкретными существуют также общие правоотношения, заслуживает самого пристального внимания, но требует несколько иного обоснования» [33, с. 220]. Ученый считает, что особенности общих правоотношений, в сравнении с конкретными, заключается в следующем: «во-первых, они складываются только на основе норм права, и для их возникновения никаких юридических фактов не требуется. Во-вторых, продолжительность существования общих правоотношений равна продолжительности действия вызвавших эти правоотношения правовых норм. В-третьих, субъектами данных правоотношений являются лица, которые признаны государством в качестве возможных участников соответствующих конкретных правоотношений, т. е., в принципе, это потенциальные участники конкретных правоотношений. Наконец, в-четвертых, юридические права и обязанности (потенциально субъективные права и обязанности), составляющие содержание общих правоотношений, не являются принадлежностью конкретных лиц, а

носят общий характер. Обладателями этих прав и обязанностей, но уже в конкретных правоотношениях, могут стать любые лица, являющиеся субъектами права (если закон не устанавливает при этом каких-либо ограничений)» [33, с. 226].

Принципиально иные взгляды на рассматриваемые проблемы у профессора П.П. Серкова.

По мнению ученого, «если попытаться характеризовать правоотношение с помощью соотношения общего и конкретного, то применение понятия "общий" становится возможным только к его механизму. Эта конструкция действительно предстает универсальной для всех видов правоотношений, но этот факт не дает никаких оснований для выводов о наличии общих правоотношений» [5, ч. 2, с. 960]. П.П. Серков считает, что при рассмотрении именно механизма конституционных правоотношений точка зрения о существовании общих правоотношений проявила себя особенно непродуктивно³. Автор пишет, что такая позиция «изначально создала умозрительные барьеры для исследования конкретики конституционных правоотношений. Фактически изучение ограничилось уровнем предположения о существовании таких правоотношений, которые, как и любые другие, всегда конкретны» [5, ч. 2, с. 960].

П.П. Серков, в отличие от приведенных традиционных взглядов, убедительно показывает, что «механизм конституционного правоотношения всегда опосредует отношения только конкретных субъектов. Одним из них обязательно является государство, а другим – конкретное физическое или юридическое лицо» [5, ч. 2, с. 869]. Автор полагает, что всегда индивидуальное возникновение конституционных правоотношений непосредственным образом затрагивает правовые статусы граждан, организаций и государства, но не в общепринятом понимании. П.П. Серков пишет, что «родовая обязанность государства, заключающаяся в обеспечении безопасности и благополучия в обществе, предопределяет признание того, что граждане как субъекты механизма конституционных правоотношений обладают первичным субъективным правом» [5, ч. 2, с. 882], а «правовая связь между государством и гражданином обусловлена самим фактом образования государства» [5, ч. 2, с. 880].

На основе детального анализа признаков, критериев и параметров механизма правоотношения и

особенно его конституционного вида П.П. Серков доказал нерациональность концепции правоотношения как результата правового регулирования. По убеждению ученого, правоотношение – это «способ правового регулирования, эффективность которого напрямую зависит от общества и государства» [6, с. 25].

И последнее, вкратце характеризующее позицию ученого. По мнению П.П. Серкова, «возникновение любого механизма конституционного правоотношения, одним из субъектов которого является гражданин, происходит на основании идейного содержания совокупности конституционных норм, обязательный минимум которых составляют положения Преамбулы, ст.ст. 1, 2, 3, 6 Конституции РФ» [5, ч. 2, с. 882].

Вместе с тем следует отметить противоречие, обнаруженное в системе аргументов ученого. Обосновывая довод о том, что субъективные права и обязанности никогда не могут быть реализованы вне механизма конституционного правоотношения, П.П. Серков приводит пример с регулированием поведения пешеходов и водителей автомобилей, в том числе разрешающими и запрещающими сигналами светофора [5, ч. 2, с. 961]. Думается, что в данном случае речь идет все-таки о механизме административного правоотношения, возникающего на основании реализации и персонификации исполнительского сегмента механизма конституционного правоотношения, о чем последовательно и обстоятельно пишет автор [5, ч. 2, с. 119–362, 784–952].

Вопросы комплексных правоотношений, в отличие от общерегулятивных, в юридической литературе являются малоисследованными. Однако, на наш взгляд, для теории и практики правового регулирования они имеют важное значение. Исследование этого направления представляет возможность объяснить, как юридические способы и формы согласования интересов участников правоотношений влияют на эффективность правоотношения и правового регулирования в целом.

Надо сказать, что отечественные общая теория права и теории отраслевых правовых наук используют понятия «комплексные правовые образования» или «комплексные образования в праве». Они, в том числе и в теории правоприменения, употребляются в значениях «комплексные правовые институты», «комплексные отрасли права» и «комплексные отрасли законодательства» [34], отражающих,

³ Необходимо отметить, что П.П. Серков в рассматриваемых работах использует понятие «общерегулятивное правоотношение», придавая ему условный характер, отража-

ющий «цивилистическую направленность правового регулирования» и «масштабность решаемых задач».

главным образом, форму законодательного закрепления элементов публично-правового и частноправового регулирования.

К сожалению, применительно к правоотношению вопросы комплексности в праве рассматриваются явно недостаточно. Внесенные предложения о введении в научный оборот понятия «комплексное правоотношение» не нашли должного признания и распространения в юридической литературе [35, с. 65; 36].

Проведенный ранее анализ теоретических представлений о видах правоотношений показал отсутствие среди них комплексного правоотношения. Как было показано ранее, в предложенной П.П. Серковым классификации правоотношений комплексному правоотношению также не нашлось места.

Вместе с тем необходимо отметить, что понятие «комплексное правоотношение» П.П. Серков все-таки использует, но применительно к категории только процессуальных правоотношений. Поддерживая мнение В.Н. Щеглова о наличии единого комплексного процессуального правового отношения [37, с. 56], ученый критикует точку зрения Н.Г. Елисева о понимании сущности процессуального правоотношения как единой формы (оболочки) судебного производства по делу [38, с. 20], указывая, что оно объективно не может быть единой формой, в том числе и потому, что число правоотношений не зависит от количества участников судебного процесса, каждый из них может заявить не по одному ходатайству [5, ч. 1, с. 447]. Из этого П.П. Серков делает вывод о том, что «при обсуждении каждого ходатайства будет возникать и развиваться самостоятельное процессуальное правоотношение, наполненное индивидуализированными субъективными потребностями – целями, правовыми статусами, взаимностью и паритетностью субъективных прав и обязанностей» [5, ч. 1, с. 447]. Разделяя эту позицию, считаем необходимым уточнить применяемое В.Н. Щегловым и П.П. Серковым понятие «единое комплексное процессуальное правовое правоотношение». Как обобщенно отмечено в юридической литературе, существенными свойствами комплексного правоотношения являются единство целевой направленности и сочетание его разнородных элементов [36]. Поэтому

полагаем, что термин «единое» в указанном выражении излишний.

Если рассматривать наличие комплексного правоотношения как способа правового регулирования с точки зрения механизма правоотношения, а такой подход, пожалуй, является наиболее приемлемым, то можно предположить следующее.

У комплексного правоотношения должен быть свой, с присущими только ему свойствами механизм. На наш взгляд, такими свойствами обладает комплексный механизм как многосоставная конструкция, в структуру которой входит несколько разнородных и сочетаемых микромеханизмов, объединенных общим объектом и единой целевой направленностью.

Существуют ли в реальной практике правового регулирования такие правоотношения? Положительный ответ на этот вопрос, как было показано ранее, был дан П.П. Серковым и В.Н. Щегловым применительно к процессуальному правоотношению. В юридической литературе комплексными определены и правоотношения собственности [36].

Думается, что признаками комплексных правоотношений обладают и правоотношения в сфере адвокатской деятельности и адвокатуры. В них можно также обнаружить указанные свойства комплексности механизма правоотношения, в том числе разнородность идейного содержания совокупности частных, публичных и межотраслевых норм права, принимаемых государством, и корпоративных норм права, в частности профессионально-этических, а также государственного и корпоративного принуждения.

4. Предложения по совершенствованию механизма корпоративного профессионально-этического правоотношения в сфере адвокатской деятельности и адвокатуры

Как известно, многие профессиональные, в том числе и юридические, сообщества принимают своды правил, которые регулируют нравственную сторону их деятельности.

Сообщество адвокатов в 2003 г. также приняло Кодекс профессиональной этики адвоката (далее – Кодекс этики)⁴. Он является корпоративным нормативным правовым актом, что подтверждается и правовой позицией Конституционного Суда РФ⁵. Кодекс

⁴ Кодекс профессиональной этики адвоката: принят I Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. // Федеральная палата адвокатов РФ: офиц. сайт. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the->

[code-of-professional-ethics-of-lawyer/](https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/) (дата обращения: 23.06.2020).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 30 января 2020 г. № 34-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жа-

этики дополняет, развивает и конкретизирует общие предписания морали, воплощенные в нормах нравственности, исходя из специфики отношений, складывающихся в сфере адвокатской деятельности и адвокатуры. В этой связи профессор А.Д. Бойков справедливо отмечает, что «после длительных дискуссий пришло понимание того, что профессиональная мораль не есть некая корпоративная мораль, ставящая одну социальную группу над другой, защищающая сословные привилегии, отгораживающая нравственным барьером представителя одной профессии от остального мира» [39, с. 6]. Адвокатская этика – часть судебной этики, которая в юридической литературе определяется преимущественно как сложное нравственное правовое явление [40].

Необходимо отметить, что приведенные выше примеры из собственной адвокатской практики позволили точнее определить признаки механизма корпоративно-профессионального этического правоотношения, являющегося частью механизма комплексного правоотношения.

Обобщающим объектом механизма комплексного правоотношения является благополучие его субъектов. Благополучие как микрообъект механизма корпоративно-профессионального этического правоотношения формируется из субъективных потребностей-целей в оказании честной, разумной, добросовестной, квалифицированной юридической помощи, соблюдении профессиональной тайны, заботе об авторитете адвоката и адвокатского сообщества, уважении прав, чести и достоинств доверителя, участников судебного процесса, следователя и других должностных лиц, содействии доверителю в реализации всех предусмотренных законодательством способов защиты прав и свобод, в том числе заключающихся в требовании к суду об отказе в удовлетворении иска, прекращении уголовного дела по реабилитационным основаниям и мн. др.

На материализацию указанных потребностей-целей оказывает влияние идейное содержание таких нравственно-этических положений Кодекса этики, как Преамбула и ст. 1, 4–15.

К субъектам относятся адвокат-представитель, адвокат-защитник, адвокатское сообщество, органы адвокатского сообщества, доверитель. Нормы Кодекса этики, устанавливающие состав субъектов и дополняющие их правовые статусы, это Преамбула и ст. 6.1, 7–18.2.

Субъективные права и обязанности, их взаимность и паритетность как элемент механизма корпоративного профессионально-этического правоотношения отражены в Преамбуле, ст. 4–6, 7–11 и др. Кодекса этики. Эти положения детализируют субъективные правовые статусы и завершают формирование условий для достижения объекта механизма правоотношения.

Анализируя эффективность рассматриваемого механизма, следует обратить внимание на некорректность некоторых положений Кодекса этики, затрудняющих достижение его объекта. Так, в Преамбуле закреплена нравственная ответственность только адвоката и только перед обществом, в качестве цели указано развитие традиций исключительно российской присяжной адвокатуры, в ст. 1 и 2 не отражен статус Кодекса этики как корпоративного нормативного правового акта и положение о том, что он дополняет, развивает и конкретизирует общие предписания морали исходя из специфики адвокатской деятельности и адвокатуры.

О традициях адвокатуры следует сказать особо. Очевидно, что традиции как выражение нравственно-правовых ценностей (позитивные традиции) являются важным фактором формирования механизма правоотношения в сфере адвокатской деятельности и адвокатуры. В связи с этим их влияние на характер и эффективность правового регулирования трудно переоценить. Из этого также вытекает необходимость их своевременного формирования и закрепления в Кодексе этики. Недавнее заявление Совета Федеральной палаты адвокатов РФ относительно поведения адвокатов, участвующих в судебном процессе по рассмотрению уголовного дела в отношении актера Михаила Ефремова, является ярким тому подтверждением⁶. На наш взгляд, корпоративного нормативного правового оформления

лобы граждан Буркина Виталия Анатольевича и Филиппских Юрия Ивановича на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации” во взаимосвязи с положениями Кодекса профессиональной этики адвоката и Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” // Московский адвокат. 2020. № 1. С. 40–43.

⁶ Заявление Совета Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации относительно поведения адвокатов, которые активно выступают в средствах массовой информации в связи с ДТП со смертельным исходом с участием автомобиля под управлением Михаила Ефремова. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-documents-of-the-council/statement-of-the-board-of-the-federal-chamber-of->

требуют традиции ведения дел по праву бедности, разумности и дифференцированности вознаграждения и др. [41; 42].

В целях совершенствования рассматриваемого механизма предлагается изложить Преамбулу Кодекса этики в следующей редакции:

«Адвокаты Российской Федерации в целях поддержания профессиональной чести, развития позитивных традиций российской адвокатуры и сознавая ответственность перед доверителями, обществом и государством, в соответствии с требованиями, предусмотренными Федеральным законом “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”, принимают настоящий Кодекс профессиональной этики адвоката (далее – Кодекс этики).

Деятельность адвоката и сообщества адвокатов невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуры».

Также предлагается изменить положения ст. 1 и 2 Кодекса этики, объединить их в одну статью, изложив ее в следующей редакции:

«1. Кодекс этики является нормативным правовым актом высшего органа адвокатского самоуправления – Всероссийского съезда адвокатов, который устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности.

2. Адвокаты и сообщество адвокатов вправе в своей деятельности руководствоваться положениями Общего кодекса правил для адвокатов стран

Евразийского Сообщества постольку, поскольку они не противостоят законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также правовым актам органов адвокатского самоуправления и положениям настоящего Кодекса этики.

3. Кодекс этики дополняет, развивает и конкретизирует общие предписания морали исходя из специфики отношений, складывающихся в сфере адвокатской деятельности, и основывается на нравственных критериях и позитивных традициях отечественной адвокатуры, международных стандартах и правилах адвокатской профессии, а также на положениях об основаниях и порядке привлечения адвоката к ответственности».

5. Вывод

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что современное осмысление проблем правоотношения и нравственности в большей степени основано на новых подходах и взглядах П.П. Серкова. Всестороннее и детальное исследование ученым механизма правоотношения в его соотношении с вопросами нравственности показывает, что универсальная конструкция механизма правоотношения, закономерности его возникновения и развития содержат важные оригинальные элементы доктрины правоотношения и теоретически реагируют на новые явления в правовом регулировании. Идеи и выводы ученого, несомненно, расширили возможности общетеоретических и отраслевых исследований в этой области и создали условия для совершенствования правотворческой и правоприменительной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берг Л. Н. Теория правового воздействия : моногр. / Л. Н. Берг. – М. : Статут, 2021. – 309 с.
2. Ершов В. В. Регулирование правоотношений : моногр. / В. В. Ершов. – М. : РГУП, 2020. – 564 с.
3. Бакулина Л. Т. Структура общей теории договорного правового регулирования / Л. Т. Бакулина // Государство и право. – 2019. – № 10. – С. 161–165.
4. Лунгу Е. В. Закономерности современных конституционных правоотношений / Е. В. Лунгу // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 1 (122). – С. 56–63.
5. Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : моногр. : в 3 ч. / П. П. Серков. – М. : Норма, 2018. – Ч. 1 : Грани правового неведомого. – 512 с. ; Ч. 2 : Очертания правовой универсальности. Ч. 3 : Закономерность правовых закономерностей. – 1088 с.
6. Серков П.П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования) : моногр. / П. П. Серков. – М. : Норма, 2020. – 688 с.

7. Лазарев В. В. Вместо предисловия. Открывая «границы неведомого» / В. В. Лазарев // Серков П. П. Правоотношение (Теория и практика современного правового регулирования) : моногр. : в 3 ч. / П. П. Серков. – М. : Норма, 2018. – Ч. 1 : Границы правового неведомого. – С. 6–13.
8. Синюков В. Н. Предисловие. Глазами теоретика правового регулирования / В. Н. Синюков // Серков П. П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования) : моногр. / П. П. Серков. – М. : Норма, 2020. – С. 7–15.
9. Исаев И. А. Предисловие. Глазами историка правового регулирования / И. А. Исаев // Серков П. П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования) : моногр. / П. П. Серков. – М. : Норма, 2020. – С. 15–20.
10. Сафуанов Ф. С. Предисловие. Глазами психолога / Ф. С. Сафуанов // Серков П. П. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования) : моногр. / П. П. Серков. – М. : Норма, 2020. – С. 20–25.
11. Старостин С. А. Правовые отношения: общетеоретические и отраслевые аспекты (обзор методологического семинара) / С. А. Старостин // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 7 (104). – С. 172–190.
12. Корнев В. В. Правоотношение – основополагающий элемент системы правового регулирования общественных отношений / В. В. Корнев // Российское правосудие. – 2019. – № 1. – С. 13–17.
13. Корнев В. В. О нравственных основаниях правового регулирования / В. В. Корнев // Российское правосудие. – 2020. – № 10. – С. 78–82.
14. Колюшин Е. И. Правоотношение как растворитель отраслей права или барьера между теорией и практикой? / Е. И. Колюшин // Российское правосудие. – 2019. – № 1. – С. 30–35.
15. Колюшин Е. И. Недонравственные правоотношения. Кто виноват? (Рецензия на монографию: Серков П. П. Правоотношение. Нравственность современного правового регулирования. М.: Норма, 2020. – 686 с.) / Е. И. Колюшин // Российское правосудие. – 2020. – № 12. – С. 67–74.
16. Сырых В. М. Материалистические мотивы, разрушающие краеугольные камни позитивистской доктрины права / В. М. Сырых // Российское правосудие. – 2019. – № 1. – С. 18–29.
17. Антюшин С. С. Социальная ответственность как основа общей человеческой нравственности и профессиональной этики / С. С. Антюшин // Российское правосудие. – 2020. – № 11. – С. 47–52.
18. Кант И. Метафизика нравов / И. Кант. – М. : Чоро, 1994. – 613 с. – (Собр. соч. Т. 6).
19. Максимов Л. В. Мораль в единственном числе / Л. В. Максимов // Этическая мысль. – 2014. – № 14. – С. 5–23.
20. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М., 1999. – 419 с.
21. Алексеев С. С. Теория государства и права / С. С. Алексеев. – М., 1985. – 480 с.
22. Комаров С. А. Общая теория государства и права : учеб. / С. А. Комаров. – 7-е изд. – СПб., 2006. – 416 с.
23. Общая теория права и государства : учеб. / под ред. В. В. Лазарева. – 4-е изд. – М., 2005. – 520 с.
24. Рассолов М. М. Актуальные проблемы теории государства и права : учеб. пособие / М. М. Рассолов, В. П. Малахов, А. А. Иванов. – 2-е изд. – М., 2010. – 447 с.
25. Нерсисянц В. С. Право и правовой закон: становление и развитие / В. С. Нерсисянц ; под ред. В. В. Лапачевой. – М., 2009. – 384 с.
26. Кархалев Д. Н. Развитие законодательства о защите гражданских прав и охранительных правоотношениях / Д. Н. Кархалев // Российская юстиция. – 2011. – № 1. – С. 9–12.
27. Мильшин Ю. Н. Содержание разрешительных правоотношений / Ю. Н. Мильшин // Административное право и процесс. – 2010. – № 6. – С. 6–8.
28. Скобелкин В. Н. Трудовые правоотношения / В. Н. Скобелкин. – М., 1999. – 372 с.
29. Васильченко А. А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений / А. А. Васильченко. – М., 2006. – 208 с.
30. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – М. : Юридическая литература, 1974. – 345 с.
31. Алексеев С. С. Проблемы теории государства и права : учеб. для вузов по специальности «Правоведение» / С. С. Алексеев, И. Я. Дюрягин, В. Б. Исаков. – М. : Юридическая литература, 1987. – 446 с.

32. Матузов Н. И. Теория государства и права : учеб. / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Дело, 2015. – 528 с.
33. Пьянов Н. А. Теоретические проблемы государственного регулирования общественных отношений : моногр. / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 249 с.
34. Кожевников О. А. Некоторые тенденции взаимодействия публичного и частного права в современной России (к вопросу о комплексных образованиях в системе права) / О.А. Кожевников // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 5–13. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).5-13.
35. Сидорова Е. В. Теоретические основы комплексного правового регулирования : моногр. / Е. В. Сидорова. – М. : Юстиция, 2017. – 246 с.
36. Алейникова А. Б. Комплексное правовое регулирование отношений собственности: проблемы общей теории / А. Б. Алейникова // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2019. – № 2. – С. 122–131.
37. Щеглов В. Н. Гражданское процессуальное правоотношение / В. Н. Щеглов. – М. : Юридическая литература, 1966. – 168 с.
38. Елисеев Н. Г. Понятие процессуального правового отношения в российском и зарубежном праве // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 1. – С. 17–21.
39. Бойков А. Д. Проблемы профессиональной этики адвоката / А. Д. Бойков // Адвокат. – 2004. – № 2. – С. 6–14.
40. Канищев В. П. Судейская этика: нравственно-правовые аспекты в контексте научно обоснованной концепции правопонимания / В. П. Канищев, Р. Р. Палеха, О. А. Федотова, И. С. Федотов // Российское правосудие. – 2020. – № 10. – С. 54–61.
41. Aleynikov B. The principles of advocacy organization and its activities / B. Aleynikov, A. Aleynikova // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2017. – Vol. 8, no. 7. – P. 2068–2071.
42. Шайхуллин М. С. Сохранение и развитие традиций адвокатуры / М. С. Шайхуллин // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2 (3). – С. 49–55.

REFERENCES

1. Berg L.N. *The theory of legal impact*, Monograph. Moscow, Statut Publ., 2021. 309 p. (In Russ.).
2. Ershov V.V. *Regulation of legal relationships*, Monograph. Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2020. 564 p. (In Russ.).
3. Bakulina L.T. Structure of the general theory of contract legal regulation. *Gosudarstvo i pravo*, 2019, no. 10, pp. 161–165. (In Russ.).
4. Lungu E.V. Patterns of modern constitutional legal relations. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2021, vol. 16, no. 1 (122), pp. 56–63. (In Russ.).
5. Serkov P.P. *Legal relationship (Theory and practice of modern legal regulation)*, Monograph, in 3 parts. Moscow, Norma Publ., 2018. Pt. 1. 512 p.; Pt. 2 + Pt. 3. 1088 p. (In Russ.).
6. Serkov P.P. *Legal relationship (Morality of modern legal regulation)*, Monograph. Moscow, Norma Publ., 2020. 688 p. (In Russ.).
7. Lazarev V.V. Instead of a preface. Opening the "edge of the unknown", in: Serkov P.P. *Pravootnoshenie (Teoriya i praktika sovremennogo pravovogo regulirovaniya)*, Monograph, in 3 parts, Moscow, Norma Publ., 2018, Pt. 1, pp. 6–13. (In Russ.).
8. Sinyukov V.N. Preface. Through the eyes of a theoretician of legal regulation, in: Serkov P.P. *Pravootnoshenie (Nравstvennost' sovremennogo pravovogo regulirovaniya)*, Monograph, Moscow, Norma Publ., 2020, pp. 7–15. (In Russ.).
9. Isaev I.A. Preface. Through the eyes of a historian of legal regulation, in: Serkov P.P. *Pravootnoshenie (Nравstvennost' sovremennogo pravovogo regulirovaniya)*, Monograph, Moscow, Norma Publ., 2020, pp. 15–20. (In Russ.).
10. Safuanov F.S. Preface. Through the eyes of a psychologist, in: Serkov P.P. *Pravootnoshenie (Nравstvennost' sovremennogo pravovogo regulirovaniya)*, Monograph, Moscow, Norma Publ., 2020, pp. 20–25. (In Russ.).
11. Starostin S.A. Legal relations: general theoretical and sectoral aspects (methodological seminar review). *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, 2019, no. 7 (104), pp. 172–190. (In Russ.).

12. Kornev V.V. Legal relationship as fundamental element of system of legal regulation of public relations. *Rossiiskoe pravosudie*, 2019, no. 1, pp. 13–17. (In Russ.).
13. Kornev V.V. On the moral principles of legal regulation. *Rossiiskoe pravosudie*, 2020, no. 10, pp. 78–82. (In Russ.).
14. Kolyushin E.I. Is legal relationship solvent of branches of law or barrier between theory and practice? *Rossiiskoe pravosudie*, 2019, no. 1, pp. 30–35. (In Russ.).
15. Kolyushin E.I. Partially moral legal relations. Who is to blame? (Review of the monograph: Serkov P. P. Legal relation. The morality of modern legal regulation. M.: Norma, 2020. – 686 p.). *Rossiiskoe pravosudie*, 2020, no. 12, pp. 67–74. (In Russ.).
16. Syrykh V.M. Materialistic motives breaking cornerstones of positivist doctrine of law. *Rossiiskoe pravosudie*, 2019, no. 1, pp. 18–29. (In Russ.).
17. Antyushin S.S. Social responsibility as the basis of universal morality and professional ethics. *Rossiiskoe pravosudie*, 2020, no. 11, pp. 47–52. (In Russ.).
18. Kant I. *Metaphysics of morals*, Collected works in 8 volumes, Vol. 6. Moscow, Choro Publ., 1994. 613 p. (In Russ.).
19. Maksimov L.V. Moral in the singular. *Eticheskaya mysl'*, 2014, no. 14, pp. 5–23. (In Russ.).
20. Mal'tsev G.V. *Understanding of law. Approaches and problems*. Moscow, 1999. 419 p. (In Russ.).
21. Alekseev S.S. *Theory of state and law*. Moscow, 1985. 480 p. (In Russ.).
22. Komarov S.A. *General theory of state and law*, Textbook, 7th ed. St. Petersburg, 2006. 416 p. (In Russ.).
23. Lazarev V.V. (ed.) *General theory of law and state*, Textbook, 4th ed. Moscow, 2005. 520 p. (In Russ.).
24. Rassolov M.M., Malakhov V.P., Ivanov A.A. *Actual problems of the theory of state and law*, Tutorial, 2nd ed. Moscow, 2010. 447 p. (In Russ.).
25. Nersesyants V.S. *Law and legal law: formation and development*, ed. by V.V. Lapaeva. Moscow, 2009. 384 p. (In Russ.).
26. Karkhalev D.N. Development of legislation on protection of civil rights and conservative legal relationship. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2011, no. 1, pp. 9–12. (In Russ.).
27. Milshin Yu.N. Contents of licensing legal relations. *Administrativnoe pravo i protsess*, 2010, no. 6, pp. 6–8. (In Russ.).
28. Skobelkin V.N. *Labor relations*. Moscow, 1999. 372 p. (In Russ.).
29. Vasil'chenko A.A. *The relationship between criminal law and criminal procedure relations*. Moscow, 2006. 208 p. (In Russ.).
30. Khalfina R.O. *General doctrine of legal relationship*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 345 p. (In Russ.).
31. Alekseev S.S. Dyuryagin I.Ya., Isakov V.B. *Problems of the theory of state and law*, Textbook for universities in the specialty "Jurisprudence". Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1987. 446 p. (In Russ.).
32. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. *Theory of state and law*, Textbook, 4th ed. Moscow, Delo Publ., 2015. 528 p. (In Russ.).
33. P'yanov N.A. *Theoretical problems of state regulation of public relations*, Monograph. Irkutsk, Irkutsk State University Publ., 2012. 249 p. (In Russ.).
34. Kozhevnikov O.A. Some trends in the interaction between public and private law in today's Russia (the issues of complex formations in the system of law). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 5–13. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).5-13. (In Russ.).
35. Sidorova E.V. *Theoretical foundations of complex legal regulation*, Monograph. Moscow, Yustitsiya Publ., 2017. 246 p. (In Russ.).
36. Aleynikova A.B. Complex legal regulation of property relationships: problems of general theory. *Vestnik VGU. Seriya: Pravo*, 2019, no. 2, pp. 122–131. (In Russ.).
37. Shcheglov V.N. *Civil procedural relationship*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1966. 168 p. (In Russ.).
38. Eliseev N.G. The concept of procedural legal relations in Russian and foreign law. *Arbitrazhnyi i grazhdanskiy protsess*, 2006, no. 1, pp. 17–21. (In Russ.).
39. Boykov A.D. Problems of professional ethics of a lawyer. *Advokat*, 2004, no. 2, pp. 6–14. (In Russ.).

40. Kanishchev V.P. Palekha R.R., Fedotova O.A., Fedotov I.S. Judicial ethics: moral and legal aspects in the context of a scientifically based integrative concept of legal understanding. *Rossiiskoe pravosudie*, 2020, no. 10, pp. 54–61. (In Russ.).

41. Aleynikov B., Aleynikova A. The principles of advocacy organization and its activities. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, 2017, vol. 8, no. 7, pp. 2068–2071.

42. Shaikhullin M.S. Preservation and development of traditions of advocacy profession. *Evrasiiskaya advokatura*, 2013. no. 2 (3), pp. 49–55. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алейников Борис Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры правосудия, адвокат

Пензенский государственный университет

440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40

E-mail: abn-7@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 5089-7511; AuthorID: 521373

Алейникова Анастасия Борисовна – преподаватель кафедры правосудия, адвокат

Пензенский государственный университет

440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40

E-mail: a-aleynikova@list.ru

SPIN-код РИНЦ: 9299-3170; AuthorID: 978692

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алейников Б.Н. Правоотношение и нравственность: современное осмысление и новые подходы / Б.Н. Алейников, А.Б. Алейникова // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 18–32. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).18-32.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Boris N. Aleynikov – PhD in Law, Associate Professor; Professor, Department of Justice; Attorney in Law
Penza State University

40, Krasnaya ul., Penza, 440026, Russia

E-mail: abn-7@mail.ru

RSCI SPIN-code: 5089-7511; AuthorID: 521373

Anastasiya B. Aleynikova – Lecturer, Department of Justice; Attorney in Law

Penza State University

40, Krasnaya ul., Penza, 440026, Russia

E-mail: a-aleynikova@list.ru

RSCI SPIN-code: 9299-3170; AuthorID: 978692

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Aleynikov B.N., Aleynikova A.B. Legal relationship and morality: the modern understanding and new approaches. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 18–32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).18-32. (In Russ.).